

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение
высшего профессионального образования
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных
наук
Департамент истории

УЛ. СОЮЗА ПЕЧАТНИКОВ, 16, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ, 190008,
ТЕЛ.: (812) 714-19-64, ФАКС: (812) 714-30-23, E-MAIL: INFO@HSE.SPB.RU, WWW.HSE.SPB.RU
ОКПО 49012747, ОГРН 1027739630401, ИНН/КПП 7714030726/783902001

РЕЦЕНЗИЯ

на выпускную квалификационную
работу бакалавра

Направление подготовки 035300
«Искусства и гуманитарные науки»

Профиль подготовки
«Международные отношения,
политические науки и права человека»

Сэрэнсамуу Бэликовны Будацыреновой

ЦИФРОВАЯ И ПЕЧАТНАЯ ЛИТЕРАТУРА БУРЯТИИ КАК МЕДИУМ СУБНАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Работа Сэрэнсамуу Будацыреновой ставит своей задачей “эмпирическое изучение” актуальных в литературе постсоветской Бурятии представлений о советском прошлом (с. 5). Автор предлагает проанализировать тексты четырех современных бурятских писателей, при этом определив не только транслируемые в них дискурсы, но и то, какой из них является доминирующим. Ввиду этого, возможно, стоило бы точнее сформулировать название работы в духе “Память о советском прошлом в современной бурятской литературе”; настоящее название кажется довольно размытым.

Работа состоит из трех глав, теории и методологии, исторического обзора бурятской литературы в XX веке, анализа основных дискурсов в современной бурятской литературе и выводов.

С исследовательской точки зрения, проблема памяти о прошлом действительно вызывает интерес коллег по всему миру; автор правильно ссылается на важные работы Мориса Хальбвакса, Алейды Ассман и Сергея Ушакина. Интересно, пострадала бы работа Сэрэнсамуу Будацыреновой, если вместо “памяти о прошлом” она писала бы о “представлении о прошлом”, обратив внимание на многие работы, критически оценивающие все направление “истории памяти”? По-русски об этом особо много и едко писала Ирина Савельева¹.

Что касается второй группы теоретической литературы, Эрнест Геллнер и Бенедикт Андерсон тоже остаются одними из самых главных теоретиков национализма. При этом я не до конца понял, зачем автор использовала книги этих ученых в рассматриваемой работе? Если правильно помню, Геллнер не пишет о травмах – этот параграф было бы здорово оформить со ссылкой на конкретные страницы его “Наций и национализма”. Какое значение имеют идеи Андерсона о “печатном капитализме” для третьей, ключевой главы автора? Утверждает ли она, что таким образом современные бурятские авторы ангажированы в процесс нациостроительства? Или же эти тексты станут важными для будущего бурятской нации? Какая связь между акцентом Андерсона на билингвах и религиозными просветителями Бурят-Монголии в 19 веке (с. 16–17) и какое значение это имеет для обсуждения современных представлений о советском прошлом, что является темой работы?

¹ И.М. Савельева, А.В. Полетаев, Историческая память: к вопросу о границах понятия // *Феномен прошлого* (Москва: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005), 170–220; И.М. Савельева, А.В. Полетаев, Обыденные представления о прошлом: теоретические подходы // *Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории* (Москва: Круг, 2008), 50–76.

Кажется, вместо Андерсона и Геллнера автору стоило бы обратить больше внимания на работу Майкла Биллига о “банальном национализме”², который, как и Сэрэнсаму Будацыренова (с. 34), в пятой главе своей известной книги тоже обращал наше внимание на “маленькие” слова, с помощью которых нация воспроизводит себя в масс-медиа. Хотя и это было бы уместным в случае более широких выводов автора о том, что в анализируемых текстах преследуются цели построения нации.

Наконец, кажется, структура работы только выиграла бы, перенеси автор размышления о постколониализме со страниц 28–30 в главу о теориях и методологии исследования.

В результате исследования Сэрэнсаму Будацыренова, отлично соединив контекстуальный анализ с интервью, приходит к выводу о существовании “трех дискурсов” в представлении современных бурятских писателей, издателей и лингвистов о советском прошлом – изоляционистский, официальный советский и травматический. При этом второй дискурс представлен именем одного Булата Молонова, который, как верно отмечает сама Сэрэнсаму Будацыренова, пишет скорее не о советскости, но с ностальгией по своей малой родине, своим близким и друзьям. Цитата же, иллюстрирующая его представление о Дне Победы как о “самом важном событии XX в.” и призванная показать влияние на него “державного дискурса (пост-)брежневского времени” (с. 39), мне показалась скорее иронией. Если выше отмеченное действительно так, не стоило бы назвать второй тип “дискурса” иначе?

Хотя в целом работа Сэрэнсаму Будацыреновой показалась мне очень интересной, хотел бы отметить недостаточное внимание автора к оформлению текста. В нем можно найти разного типа кавычки (с. 8, 21), разноречивой в подаче фамилий ученых, которые присутствуют в русском языке уже очень давно (“Сюни” на с. 15 становится “Суни” на с.16), несогласованность падежей (“переход от ... периода и ... возникновению” – с. 18), пропуски слов (“национальное самосознание является частью капиталистической стадии развития, потому должна быть пройдена, а затем оставлена позади” – с. 20), а также совершенно ненужные в русскоязычной работе англицизмы (“индигенизм” – с. 31, “фидбэки” – с. 32).

31 мая 2017

Антон Котенко

PhD, младший научный сотрудник
Центр исторических исследований
НИУ “Высшая школа экономики”
Санкт-Петербург

² Michael Billig, *Banal nationalism* (London: Sage, 1995).